

Надежда Ивановна Сухова

Доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: sukhova777@yandex.ru

Противодействие реализации закона — элемент правовой культуры: pro et contra

Аннотация: *актуальность представленной в статье проблемы связи противодействия реализации закона и правовой культуры обуславливается тем, что она является частью злободневной на сегодняшний день темы повышения уровня правовой культуры путем совершенствования не только средств правового регулирования, но и механизмов предотвращения возникающих сбоев в нем. Предметом исследования выступает противодействие реализации закона, его связь с правовой культурой. Цель работы — формирование возможности рассмотрения негативных по своему содержанию и сущности явлений правовой сферы в качестве показателей, факторов, элементов общей правовой культуры. Методологическая база исследования представлена средствами диалектики, системного подхода, формально-юридического метода, что позволило максимально избежать нарушений правил и принципов научного познания. Новизна исследования выражается в том, что автор обосновывает позицию об анализе противодействия реализации закона в качестве элемента или показателя уровня правовой культуры, приводится ряд аргументов и авторское видение связи анализируемого феномена с правовой культурой, проводится параллель между противодействием реализации закона и юридическими препятствиями, существующими в правовой сфере. Результатом проведенной работы явилось рассмотрение правовой культуры не только как соединения правовых явлений позитивного характера, но и как негативных проявлений правовой действительности. Заключительные рассуждения автора статьи — аргументы, объясняющие сложную диалектическую связь противодействия реализации закона и правовой культуры.*

Ключевые слова: *правовая культура, противодействие осуществлению закона, действие закона, законотворчество, осуществление закона, развитие права, неисполнимые нормы права, юридические препятствия.*

Nadezhda Ivanovna Sukhova*Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Saratov State Academy of Law, Candidate of Juridical Science, Associate Professor*

Counteraction to Realization of Law as the Part of Legal Culture: pro et contra

Annotation: *the relevance of the question of connection between countering the implementation of the law and legal culture presented in the article is due to the fact that it is part of the topical issues of increasing the level of legal culture today by improving not only the means of legal regulation, but also through mechanisms of preventing failures within. The subject of the article is the connection between countering to realization of law and legal culture. The purpose of the work is to create the possibility of considering the phenomena of the legal sphere that are negative in their content and essence as indicators, factors, and elements of a common legal culture. The methodological base of the study is represented by means of dialectics, a systematic approach, and a formal legal method, which made it possible to avoid violating the rules and principles of scientific knowledge to the maximum. The novelty of the research is expressed in the fact that the author substantiates the position on the analysis of countering the implementation of the law as an element or indicator of the level of legal culture, provides a number of arguments and the author's vision of the connection of the analyzed phenomenon with the legal culture, draws a parallel between the opposition to the implementation of the law and legal obstacles sphere. The result of the research is conclusion that legal culture can be considered not only as a combination of legal phenomena of a positive nature, but also as negative manifestations of legal reality. The final reasoning of the author of the article contains the arguments explaining the complex dialectical connection of the opposition to the implementation of the law and legal culture.*

Keywords: *legal culture, opposition to the law enforcement, operation of law, law making, law enforcement, development of legislation, impracticable law, legal obstacles.*

В рамках общей теории права нередко встречаются темы, о которых, с одной стороны, в силу их широты и разноплановости, связанности практически с любой проблематикой названной науки, с другой — в силу актуальности, пишут как признанные ученые-юристы, начинавшие когда-то именно с этих тем и схраняющие непосредственный интерес к ним, так и начинающие исследователи, желающие сделать свою работу злободневной. Таких тем немало, они хорошо известны искушенному читателю, и вряд ли разумно их перечислять. Содержание данной статьи непосредственно касается одной из таких тем. Речь идет о правовой культуре, о ее различных уровневых и видовых аспектах.

Правовая культура — действительно широкоформатная проблема, выходящая на многие другие узловые вопросы, касающиеся как государственно-управленческой, так и правовой сферы надстроечных явлений: правовое государство, механизм государства, гражданское общество, юридическая ответственность, правонарушения, принципы права, правореализация и др. За то время, что правовая культура изучается на теоретико-монографическом уровне, сформировалось ее понимание в качестве одной из разновидностей культуры общества — определенного уровня развития общества на каком-то историческом этапе, выраженного в состоянии и формах организации совместной деятельности людей в качестве их взаимоотношений,

объеме создаваемых, потребляемых и сохраняемых материальных и духовных ценностей, а также в состоянии творческих сил и потенциала как социума, так и отдельной личности. На основе этой общей дефиниции культуры велись и ведутся изыскания в области правовой культуры [1–5]. К настоящему времени принципиально различных подходов к определению этого феномена не наблюдается. Однако можно говорить о двух вариантах наполнения его содержания и объема. Первый представляет правовую культуру как понятие, отражающее формы и состояние практически всех юридических явлений: права, законодательства, правоотношений, правовых учреждений, реализации права, правового поведения, правосознания, правотворческой деятельности, правовой науки; второй — как определенный уровень развития общественного, группового и индивидуального правосознания.

Думается, наибольшую поддержку заслуживает первый вариант, способный отразить как культуру общества и личности в сфере права, так и культуру самого права, что имеет немалое значение для оценки состояния всей правовой надстройки. Кроме того, широкое представление о составляющих правовой культуры в практической плоскости связывает этот феномен со многими процессами и явлениями правовой сферы, а в теоретической — дает возможность изучать его комплексно и диалектично.

Как было сказано, принципиального противостояния у двух вариантов понимания правовой культуры не имеется. Более того, у них есть две схожие черты, которые, на наш взгляд, выступают недостатками, не совсем соответствуют принципам и правилам научного познания и не вполне объективно отражают реальное состояние дел:

1. Оба варианта оценивают правовую культуру через анализ составляющих ее явлений, которые сами по себе, условно говоря, имеют заряд «плюс» и не несут проявления негативного. Так, правовая культура, понимаемая как совокупность правовых институтов, форм, процессов, ценностей, норм, всего созданного в правовой сфере и выполняющего функцию социоправовой ориентации людей в конкретном обществе, — некий показатель развития правовой сферы, зависящий от состояния законодательства, распространенности юридического образования, качества и достижений правовой науки, отточенности правовой формы социального взаимодействия и т. д. Все эти явления, несомненно, оказывают влияние на формирование и состояние правовой культуры общества, но недостатки, имеющиеся в них, не несут на себе резкой отрицательной социальной оценки, например: неразвитость правовой науки и доктрины, ошибки в законотворчестве, низкое качество законодательства и др.

Второй вариант объема содержания понятия рассматриваемого феномена также связан с глубиной понимания и восприятия права субъектами, способностью оценивать свои интересы сквозь призму правовых требований и ценностей, но поверхностность осознания права и затруднения в соотношении личных интересов с правовыми требованиями не воспринимаются традиционно негативно и общественно вредно в массовом сознании.

Что же из традиционно негативного, на наш взгляд, ускользает от внимания исследователей? Полагаем, что правовая культура, несомненно, демонстрирующая имеющиеся достижения в юридической сфере, представляет такое их соединение, которое выражено связью не только сложения элементов,

но и вычитания. Общая картина и представление о правовой культуре общества складывается не только из оценки состояния юридических ценностей и их качества, но и с учетом иных факторов, которые либо подтверждают высокий уровень культуры в сфере права в стране, либо формируют противоположный тезис. Речь, конечно же, в первую очередь, идет о правонарушениях.

Невключение негативных явлений в развитии правовой сферы в объем понятия правовой культуры понятно. Объяснения лежат на поверхности: этимология термина «культура» обязывает говорить только о достижениях и ценностях; тема правонарушений, несмотря на аффилированность с названной, представляет все же самостоятельную область исследований; правонарушения — внешняя среда, в которой формируется культура, и др. Все это так, но внешние факторы находятся в такой диалектической связи с культурой в сфере права, что становятся ее следствием, показателем ее сформированности.

Если предположить, что составляющие рассматриваемый феномен явления, на которых фокусируется внимание исследователей, достигнут в своем развитии апогея, но это не повлечет, например, снижение преступности, то вряд ли у кого-то будут основания говорить о высоком уровне правовой культуры общества, или юридически грамотная формализация способа защиты прав и интересов личности (элемент правовой культуры), так и не ставшая востребованной на практике, не может не влиять на общую картину правовой культуры. Яркой иллюстрацией последнего суждения выступает ситуация с медиацией. Этот институт, по сути, полезный по сравнению с другими заимствованиями, не только получил закрепление в законодательстве, но и обеспечен рядом средств, выраженных, в том числе, в обязанности правоприменителя предложить путь альтернативного урегулирования споров и объяснить его особенности и преимущества, не заслуживает высокой оценки тяжущихся. Получается, есть институт, соответствующий уровню развития общественных отношений и права, адекватен им, но слабо участвует в формировании соответствующего «уголка» правовой культуры.

2. Второй недостаток, являющийся логическим продолжением первого, состоит, по нашему мнению, в допущении одностороннего рассмотрения взаимосвязи правовой культуры и явлений правовой сферы, которые выступают негативными характеристиками последней. Так, при анализе роста и распространения коррупции, а также правонарушений в целом, неэффективности правоприменительной деятельности и др., одной из причин всегда называется низкий уровень правовой культуры. Нельзя не согласиться с утверждением, что культурная среда может сдерживать противоправное поведение, а может, наоборот, вызывать такое поведение [6, с. 13] — детерминационная связь налицо. Однако обратное влияние на состояние правовой культуры явлений, активная или пассивная фазы которых предопределяются ею, рассматривается редко. Еще реже встречается позиция, согласно которой правовая культура — это в сумме все правовые ценности общества определенного уровня развития за вычетом негативных процессов и явлений правовой действительности, т. е. полная картина правовой культуры получается из операций сложения и вычитания.

В «операции по вычитанию» могут значиться статистические показатели по следующим направлениям:

— общий уровень правонарушений в стране. Нужно сказать о том, что неофициальному и официальному статистическому анализу подвергаются только преступления, поэтому определить максимально объективные цифры по правонарушениям будет крайне сложно;

— уровень раскрываемости преступлений;

— мнение российских граждан о защищенности своих прав и свобод [7, с. 682–705] и др.

Представляется, что учет приведенных фактических данных по перечисленным позициям может способствовать получению объективного представления об уровне правовой культуры в стране. Однако все наши рассуждения о содержании понятия «правовая культура», о связях этого феномена с другими явлениями правовой системы общества, о показателях его уровня и условиях объективной оценки не имели цели внести свой вклад в исследование проблем правовой культуры, перевернуть представления о ней, предложить авторскую формулу ее изучения и т. п. Смысл обращения к некоторым моментам указанной темы вызван необходимостью решить задачу правомерности отнесения к вопросам правовой культуры имеющихся в правовой надстройке негативных проявлений, в частности противодействия реализации закона.

В настоящее время активно формируется теоретическая конструкция юридического противодействия, которое понимается как всякая правомерная деятельность различных субъектов, совершаемая ими в различных формах с использованием юридического инструментария, направленная на недопущение или пресечение социально негативной противоправной деятельности иных лиц [8, с. 93]. Правовое противодействие, будучи социально полезной деятельностью, осуществляемой в правовых формах, демонстрирующей степень совершенства права и направленной на его охрану и защиту, конечно, составляет часть правовой культуры общества.

Нас же интересует иное противодействие — осуществляемая в активной или пассивной форме деятельность субъектов по реализации интересов, находящихся в правовой сфере и зависящих от предусмотренных законом правовых средств, процедур, форм, связанная с формированием наиболее благоприятных условий посредством создания препятствий к осуществлению целей и положений закона либо с облегчением выполнения его требований, но вопреки смыслу и целям закона, принципам правового регулирования.

Понятие «противодействие реализации закона» в совокупности всех присутствующих знаковых форм в юриспруденции встречается редко, вряд ли его можно признать вполне устоявшимся. Однако основания применять его для обозначения целого ряда процессов, сопровождающих реализацию закона, начиная с момента его создания, обеспечения на подзаконном уровне, толкования до реализации конкретными субъектами и формирования соответствующей практики, есть.

На сегодняшний день можно констатировать, что и процесс создания закона, и процесс его реализации подвергаются структурной, функциональной и формально-юридической индивидуализации, обеспечиваемой возрастающим числом социальных переменных, «от гендерных и массово-психологических до географических, климатических и технико-виртуальных» [9, с. 4]. Закон перестает восприниматься жесткой абстрактной формой, оторванной

от социальной практики. Наблюдается значительное «размягчение» закона через механизмы правоприменения, судебной, административной и в целом широкой социальной практики, которая фактически стала, наряду с законом, важнейшим фактором правового регулирования [9].

В таких условиях можно говорить, что вокруг закона выстраивается огромная инфраструктура других правовых средств и социальных регуляторов, от которых зависит реализация закона, эффективность и степень этой самой индивидуализации. В ситуации, когда закон по разным причинам (отсутствие новой юридической технологии, обеспечивающей актуальность закона, низкое качество закона, его оторванность от уровня сложившихся общественных отношений и социальной практики и т. д.) не может учитывать и выражать необходимую индивидуализацию, возникают интенции противодействия реализации закона, выражающиеся в противоправном и правомерном неисполнении закона.

Противодействие закону — понятие, возникшее не на пустом месте. Уже право и наука Древнего Рима знали феномены, которые были связаны с недобросовестным осуществлением прежде всего гражданских прав. «Если кому-то запрещено совершать что-либо от своего имени, то он не должен делать этого через подставное лицо. И поэтому, если декурсион под именем другого, подставного, лица возделывает государственные имения, которые декурсионам согласно законам запрещено брать в аренду, то они у него отбираются как незаконно используемые» [10, с. 415].

Конструкции подобных институтов имеются и в современном российском праве частного и публичного его срезов. Так, в цивилистике широко известны обход закона, злоупотребление правом, притворные сделки и т. д., в административном — превышение полномочий, ненадлежащее исполнение обязанностей, незаконный приказ и т. д., в налоговом — правомерный уход от налогообложения; в уголовно-процессуальном — правомерное затягивание расследования и др.

Кроме того, в литературе встречаются формулировки, которые отражают создаваемые на различных уровнях и по разным причинам затруднения в реализации требований и положений закона. Например, в 2015 г. на базе Сибирского федерального университета прошли два научных мероприятия, посвященные вопросам существующих в праве и правоприменительной практике препятствий в реализации прав и законных интересов [11]. В рамках их проведения представители юридической науки сформулировали понятие юридических препятствий, предложили классификационные критерии, сделали отраслевой анализ препятствий в праве и правоприменительной практике. Несмотря на то что у автора данной работы есть свой критический взгляд на высказанные в сборнике трудов умозаключения исследователей по сути проблемы, который во многом противоположен им, все же некоторые из трудов можно применить для подтверждения позиции в отношении противодействия реализации закона в аспекте правовой культуры.

В частности, в качестве препятствий реализации прав и интересов (а в итоге реализации закона) называются как средства-действия, так и средства-нормы, как наличествующие факторы, так и отсутствующие (пробел в праве, отсутствие юридического факта в сложном составе) [12, с. 39–41]; как

составляющие элементы правонарушений, так и вполне законные средства, демонстрирующие демократизм права и его достижения [13]. В этом находят подтверждение важные для наших рассуждений моменты.

Во-первых, представляется корректным рассматривать препятствия как разновидность противодействия реализации закона; во-вторых, противодействие реализации закона обусловлено действием права и закона; в-третьих, характеризуемое нами противодействие, его сложность и конструктивные особенности связаны со сложностью права и его прогрессивным движением; противодействие реализации закона может выступать как в противоправной, так и в правомерной форме. Все это позволяет нам развивать мысль в направлении связи противодействия реализации закона и правовой культуры и предложить следующий взгляд на нее.

1. Противодействие реализации закона выступает как индикатор правовой культуры, указывает на ее уровень и качественное состояние составляющих ее элементов. Причиной противодействия реализации закона может стать дефектное правовое регулирование. Так, наличие пробелов в правовом регулировании делает возможным осуществление деятельности, сопровождающейся злоупотреблением правом; наличие в законе неисполнимых предписаний и норм [14–16] обуславливает обход закона, его нейтрализацию и неисполнение.

2. Противодействие реализации закона выступает катализатором изменений, составляющих правовую культуру. Так, если показателем правовой культуры выступает качество законодательства, то частота и объемность противодействия реализации закона подсказывает правотворческим субъектам подумать над выработкой и формальным закреплением механизма предотвращения или преодоления такого противодействия. В этом случае противодействие реализации закона становится источником и средством совершенствования закона и повышения правовой культуры. Например, появилась конструкция неправомерного обхода закона, злоупотребления правом, притворной сделки, приостановления в публичном праве и др.

3. Противодействие реализации закона свидетельствует, как бы это странно ни звучало, о возможно высоком уровне правовой культуры участников общественных отношений, об их правовой грамотности. Думается, что подобное заявление вряд ли будет позитивно оценено исследовательской публикой. Несмотря на это полагаем, что действия адресатов закона в условиях наличия, например, неисполнимых норм, а также создающих для своих конкретных правоотношений формулу обхода закона отличаются знанием закона и практикой его реализации, толкования и механизма его защиты. Более того, в условиях реализации компетенционного подхода в образовании наибольшую привлекательность имеют специалисты, обладающие не только знанием закона, но и навыками его реализации в различных ситуациях, отличающихся сложностью исполнения требований закона. Возможно, правильнее это назвать «теневой» правовой культурой, квазиправовой культурой, правовой субкультурой.

4. Формы и методы противодействия объективно зависят от уровня развития права: усложнение правового регулирования (развитие — показатель правовой культуры) влечет усложнение процесса реализации закона, что порождает противодействие этому.

Приведенные суждения и аргументы по вопросу о связи противодействия реализации закона и правовой культуры и формах ее возможного проявления выражают субъективное авторское отношение к нему. В нем, как и в любом отношении исследователя к проблеме, имеются как креативные, так и слабые стороны, вызывающие критику и новые идеи. Отсутствие поддержки предложенного видения проблемы, критическая его оценка — свидетельство существования нерешенных вопросов в самой категории «правовая культура».

Пристайный библиографический список

1. *Баранов П. П.* Проблемы теории правосознания и правовой культуры. Ростов н/Д : РЮИ МВД России, 2005.

2. *Правовая культура в юридической практике.* М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1977.

3. *Синюков В. Н.* Российская правовая система. М. : Норма, 2012.

4. *Синюкова Т. В.* Правовая культура: понятие, структура, соотношение национального и общечеловеческого // *Правовая культура.* 2009. № 2. С. 6–17.

5. *Фарбер И. Е.* Правосознание как форма общественного сознания. М. : Юридическая литература, 1963.

6. *Квашиц В. Е.* К проблеме культуры противодействия преступности // *Вестник Краснодарского университета МВД России.* 2016. № 2. С. 13–20.

7. *Калабеков И. Г.* Российские реформы в цифрах и фактах. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РУСАКИ, 2010.

8. *Головкин Р. Б., Краснов А. М.* Понятие правового противодействия // *Вестник Владимирского юридического института.* 2011. № 1. С. 85–94.

9. *Синюков В. Н.* Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // *Lex russica.* 2018. № 10.

10. *Дигесты Юстиниана.* М. : Статут, 2005.

11. *Юридические препятствия в реализации и защите прав и законных интересов : сборник науч. трудов.* Красноярск : Центр информации, 2015.

12. *Малько А. В.* Препятствия как фактор снижения эффективности правового воздействия // *Юридические препятствия в реализации и защите прав и законных интересов : сборник науч. трудов.* Красноярск : Центр информации, 2015. С. 33–46.

13. *Владыкина Т. А.* «Особое мнение» как юридическое препятствие для вынесения коллегией присяжных заседателей ясного и непротиворечивого вердикта // *Юридические препятствия в реализации и защите прав и законных интересов : сборник науч. трудов.* Красноярск : Центр информации, 2015. С. 131–134.

14. *Сенякин И. Н., Сухова Н. И.* Неисполнимые нормы российского права // *Вестник СГЮА.* 2017. № 1. С. 27–36.

15. *Сенякин И. Н., Сухова Н. И.* Юридические коллизии как причина неисполнимости норм права // *Юридическая техника.* 2017. № 11. С. 302–307.

16. *Сухова Н. И.* Дефектные нормы: проблемы терминологической унификации // *Правовая культура.* 2016. № 2. С. 40–47.

References

1. *Baranov P. P.* Problemy teorii pravosoznaniya i pravovoj kul'tury. [Issues of theory of law awareness and legal culture]. Rostov n/D : RYUI MVD Rossii, 2005.

2. Pravovaya kul'tura v yuridicheskoy praktike. [Legal culture in juridical practice]. M.: Akademiya obshchestvennyh nauk pri CK KPSS, 1977.

3. *Sinyukov V. N.* Rossijskaya pravovaya sistema. [Russian legal system] M. : Norma, 2012.

4. *Sinyukova T. V.* Pravovaya kul'tura: ponyatie, struktura, sootnoshenie nacional'nogo i obshchechelovecheskogo // Pravovaya kul'tura. [Legal culture: term, structure, correlation between national and common-human view]. 2009. № 2. P. 6–17.

5. *Farber I. E.* Pravosoznanie kak forma obshchestvennogo soznaniya. [Law awareness and the form of public awareness]. M. : YUridicheskaya literatura, 1963.

6. *Kvashic V. E.* K probleme kul'tury protivodejstviya prestupnosti // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. [On the issue of culture of countering criminality // Herald of Krasnodar university of MIA] 2016. № 2 (32). P. 13–20.

7. *Kalabekov I. G.* Rossijskie reformy v cifrah i faktah. 2-e izd., pererab. i dop. [Russian reforms in digits and fact] M. : RUSAKI, 2010.

8. *Golovkin R. B., Krasnov A. M.* Ponyatie pravovogo protivodejstviya // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. [Term of legal countering // Herald of Vladimir Juridical Institute] 2011. № 1. P. 85–94.

9. *Sinyukov V. N.* Zakonodatel'stvo v Rossii: problemy social'noj integracii // Lex russica. [legislation in Russia: social integrity issues // Lex russica]. 2018. № 10.

10. Digesty YUstiniana. [Digesta Justinian] M. : Statut, 2005.

11. YUridicheskie prepyatstviya v realizacii i zashchite prav i zakonnyh interesov: sbornik nauch. trudov. [Legal obstacles to realization and protection of legal interests: collection of scientific works]. Krasnoyarsk : Centr informacii, 2015.

12. *Mal'ko A. V.* Prepyatstviya kak faktor snizheniya effektivnosti pravovogo vozdejstviya // YUridicheskie prepyatstviya v realizacii i zashchite prav i zakonnyh interesov : sbornik nauch. trudov. [Obstacles as factor of fall of effectiveness of legal influence // Legal obstacles to realization and protection of legal interests: collection of scientific works]. Krasnoyarsk : Centr informacii, 2015. P. 33–46.

13. *Vladykina T. A.* «Osoboe mnenie» kak yuridicheskoe prepyatstvie dlya vyneseniya kollegiej prisyazhnyh zasedatelej yasnogo i neprotivorechivogo verdikta // YUridicheskie prepyatstviya v realizacii i zashchite prav i zakonnyh interesov : sbornik nauch. trudov. [«Dissenting Opinion » as a legal obstacle to a clear and consistent jury's verdict // Legal obstacles to realization and protection of legal interests : collection of scientific works]. Krasnoyarsk : Centr informacii, 2015. P. 131–134.

14. *Senyakin I. N., Suhova N. I.* Neispolnimye normy rossijskogo prava // Vestnik SGYUA. [Impracticable norms of the Russian law // Herald of Saratov State Academy of Law] 2017. № 1. P. 27–36.

15. *Senyakin I. N., Suhova N. I.* YUridicheskie kollizii kak prichina neispolnimosti norm prava // YUridicheskaya tekhnika. [Legal conflicts as the reason for the non-enforceability of the rule of law // Legal Mechanisms]. 2017. № 11. P. 302–307.

16. *Suhova N. I.* Defektnye normy: problemy terminologicheskoy unifikacii // Pravovaya kul'tura. [Defective norms: problems of terminological unification // The Legal culture]. 2016. № 2. P. 40–47.